

есть прежде всего аппарат, а в том, каким целям этот аппарат служит и какими руками он направляется.

Именно поэтому мы здесь не окрашиваем в цвет Вишняка всю ту общественность, к которой он причисляется. В каждой среде имеются свои Вишняки, в которых наиболее полно воплощаются специф. недостатки этой среды. Их собственно, мы и имеем в виду в этом ответе нашему критику.

Лучшим ответом на отклики всех других и в частности Карташева (в его последнем докладе) явится второй номер «Тр. Россин», к которому мы и отсылаем их.

П. Б.

Кризис христианства

II

В предыдущем номере «Третьей России» мы говорили о кризисе эмпирического христианства с **количественной** стороны. Мы показали, что от прежнего величия христианского мира, распространявшего свое идейное влияние на значительную часть человечества, ныне осталось весьма немного. Мы позволили себе высказать печальный прогноз, что еще одно — два поколения и число людей, исповедующих христианство, как религию, представит жалкую горсточку, какуюнибудь долю процента всего человечества. Этот прогноз, едва ли не «кошунственный» в глазах христиан, привыкших считать свою религию мировой, для внехристианского мира кажется ныне наивным трюизмом и очевидным фактом. В настоящей статье мы попытаемся подойти к тому же вопросу о кризисе христианства с его т. с. **качественной** стороны.

Мы оставляем, конечно, в стороне идеологию и догматику христианства, учения христианских церквей и вообще всю область теоретического и отвлеченного христианства. Нас интересует **живое** христианство — в прошлом и настоящем — то-есть его дела и деяния, факты и события.

Итак, перед нами не теоретическое, а эмпирическое христианство, не отвлеченное, а реальное и живое христианство в лице живших и живущих христиан. Перед нами весь так называемый «христианский мир», или не что иное, как знаменитая западно-европейская цивилизация — целый конгломерат великих и малых культур, романо-кельтско-германо-славянский мир. Чем отличается весь этот западно-арийский мир от всего восточно-арийского, чем отличается **вся эта белая** цивилизация от всего прочего **цветного** человечества, если посмотреть на двухтысячелетнюю ее историю с высоты птичьего полета? Это с одной стороны. А с другой стороны — чем отли-

чается эта христианская культура от культуры до-христианской, языческой, если опять таки судить об этом по делам и событиям?

Размеры маленькой журнальной статьи не позволяют, конечно, осветить вопрос во всей его динамике (то-есть во времени); мы здесь рассмотрим лишь общий итог, общий баланс исторического актива и исторического пассива христианской культуры, принимая за актив общую сумму организованного добра и за пассив — общую сумму организованного зла, порожденного христианским человечеством. И по той же причине — недостатка места — мы не будем подвергать эти итоги какой-либо оценке, выяснять степень вины чьей-либо или степень преемственности и влияния среды. Перед нами христианское человечество **как таковое** во всей его сложной мировой обстановке со всеми его природными и преемственными достоинствами и недостатками.

Сторонники «чистого» (эзотерического или гностического) христианства с одной стороны и представители иудаистической мысли — с другой, станут утверждать, что западно-европейская цивилизация есть результат и порождение **не только** христианского духа, но и иудейского духа и что следовательно, нужно говорить не о христианском мире, а об иудо-христианском мире. С этой поправкой мы более чем согласны, ибо считаем, что недостаточно сказать «не только», а следовало бы сказать «не столько». Однако, упрощая вопрос, и не преследуя цели судить христианство, а только констатировать его кризис, мы называем иудейско-христианский мир миром просто христианским.

Для составления баланса добра и зла христианского человечества на сегодняшний исторический день нужно приять во внимание следующие бесспорные обстоятельства:

1. Христианство **в делах своих** (а не в теориях) осватило, ретраншировало и оправдало по своему принципиально ему чуждую языческую статолатрию (обожествление власти). Верное своему основателю — апостолу Павлу — оно всегда и везде приспосабливалось к существующей власти, оправдывало организацию всяких преступлений (с хр-ой точки зрения) этой власти и склонялось перед государством, как перед своим господином (Цезаропапизм и папоцезаризм). Все христианские церкви во все времена и повсюду оказывались надежнейшей опорой существующей власти и фактически признавали за государством право утверждать за собой высшую ценность.

2. Христианское человечество **фактически** (а не в теориях) не создало, то-есть не провело в жизнь, своего христианского права, а всецело приспособилось, подчинило и осватило языческое римское право. Оно не изменило прежнюю до-христианскую ткань общественного организма, не создало взамен юридического лица свою организационную клеточку — согласие. И даже церковная община должна была подчиниться внешним формам юридического лица.

3. Христианское общество **фактически** (а не в теориях) не изменило своего отношения к собственности и подобно язычеству признало самодовлеющее значение собственности, абсолютизировало ее и оторвало от нравственных обязанностей собственника.

4. Христианство оказалось не в состоянии изменить социальную структуру общества, которая, как и в до-христианскую эпоху, так и в течении всей христианской эры повсюду у всех христианских народов характеризуется классовым строем. Это означает, что в основу социальной структуры христианское общество положило материальный интерес, то-есть примат материального начала над духовным. Между тем восточные, например, культуры худо ли, хорошо ли, но пытаются положить в основу социальной структуры путь человека, момент служения, то-есть труд, а не интерес.

5. Христианские народы, как и до-христианские, языческие народы, осуществляют свое национальное бытие в духе национального эгоцентризма. Общий же фон истории христианских народов — сплошная братоубийственная распря на почве грубого эгоизма и насилия одних над другими.

6. Христианский мессианизм в общем смысле этого слова, как призванность народа разрешать судьбы всего человечества путем жертвенного служения последнему, осуществляется на протяжении всей христианской эры, как грубый империализм и дикое истербление цветных рас под видом лицемерного их спасения и культуртрегерства. Ведь не даром среди цветных рас представители белой христианской цивилизации получили название «белого Дьявола».

7. Христианская культура больше, чем какая бы то ни было другая культура, отличается пропастью противоречия между высокой духовностью своего идеала и низостью крайнего материализма на практике. Применяя Шпенглеровскую терминологию, ни одна культура не проникнута в такой сильной степени тлетворным духом цивилизации, как культура христианская, западно-европейская.

8. Христианская культура сравнительно с другими культурами имеет все шансы побить рекорд взаимного несогласия и разделения внутри своего религиозного сознания, как по количеству различных церквей, претендующих на католичность и православие, так и по степени фашизма и нетерпимости их друг к другу.

9. Ни одна из существующих и существовавших до сих пор великих культур не знала в такой мере, как это знает культура христианская, прогрессирующей формы жестокости, как основной линии эволюции этой культуры. Христианская культура, хотя и освободила лучшие социальные слои от рабства, хотя и смягчила многие жестокие нравы, однако на смену им создало рабство экономическое (капитализм) и еще более утонченное рабство души, как догматизм религий, классовый характер науки, медицина, педагогика, мировая пресса, воинская повинность и т. д. Кроме того западная культура

при помощи технического прогресса изобрела и применяет на практике механические средства массового истребления людей (современные войны) и массового искалечения людей на фабриках, на заводах и в шахтах... Только христианская культура могла вызвать к жизни такую книгу, как книга М. Энгельгарда — «Прогресс, как эволюция жестокости», написанную более 30 лет тому назад и никем до сих пор еще не опровергнутую.

Таковы факты и события, характеризующие сумму порожденного христианством организованного добра и зла. Печальный получается баланс и что же тут удивительного, если такой неблагоприятный баланс привел христианство после почти двадцати веков существования к тому духовному и идейному банкротству, которое дает повод и основание говорить о кризисе христианства?

М. Артемьев.

О новом человеке

Проблема нового человека постепенно становится актуальной темой формирующегося **нового сознания**. Старые представления о человеке стали похожи на изношенное платье, которое уже не по росту и разлезается по всем швам. Получается вид пестуразный и жалкий; а еще немного и это духовное облачение станет совсем лохмотьями. В этом непосредственном ощущении кризиса сознания современного человека живая правда новых исканий.

Нельзя кризис преодолеть, если неосознать его наличия. Чтобы найти, надо искать, чтобы искать новое, надо утратить старое.

Новым стал весь вид нашей планеты с тех пор, как она покрылась сетями железных дорог, проволок, беспроводных токов, подземных, надземных и подводных путей сообщений. Создался **новый космос**. И только старым остался человек.

Можно сказать, что последние столетия все силы человечества были направлены на внешнее и в этом отношении так обогатили жизнь комфортом и средствами материальной мощи, как никогда прежде. И вот окрыленные успехами в области внешней культуры, люди пытаются теми же способами, с той же повадкой снаряжать экспедиции в область духа и отыскивать ценности жизни, как северный полюс или спектры планет. Эта тенденция проникает во все области жизни — в искусство, в мораль, в педагогику, в религию. Она грозит нам дать вместо знания о человеке, как о богоподобном существе, знание о нем, как о совершеннейшем автомате и о средствах пускать его в ход на благо «реальных» задач, вытравляя из него все